

— Кхе-кхе, немного кружится голова.

Слабый голос Аньняня раздался в больничной палате, после чего в помещении вновь воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь мерным пиканьем медицинской аппаратуры.

— Сяо Цзю-Цзю, ты здесь?

Ответ в голове прозвучал лишь спустя некоторое время.

— Носитель, это ваше первое перемещение, головокружение — вполне нормальная реакция, — голос 995-го слегка дрожал, выдавая его недомогание.

Аньнянь обеспокоенно спросил:

— С тобой всё в порядке?

— Носитель, я в порядке... — не успел он договорить, как поспешно удалился, чтобы его вырвало.

Аньнянь мгновенно перенесся в системное пространство, где увидел, как 995-й, превратившийся в размытое пятно, пытается прийти в себя. Аньнянь мягко похлопал его по спине.

— Тебе лучше?

995-й ответил медленно:

— Да-да, спасибо, носитель.

Глядя на понурый вид 995-го, Аньнянь почувствовал одновременно и желание посмеяться, и странную жалость.

— Что значит в первый раз?

995-й отвел взгляд и немедленно передал сюжет в сознание Аньняня, не давая тому времени на раздумья.

— Носитель, приготовьтесь принять историю.

Главный герой родился в бедной неполной семье. Его с детства воспитывала одна мать, за что

над ним издевались, называя диким ребенком. Несмотря на отличную успеваемость, он стал объектом зависти и насмешек, а из-за постоянного недоедания — еще и жертвой школьного буллинга.

Душевные и физические терзания не сломили его: ради матери он продолжал упорно учиться и с большим трудом поступил в престижное учебное заведение. Но не успел он порадовать мать этой новостью, как та скончалась от переутомления. Его ждал страшный удар: вернувшись домой, он увидел перевернутый стул и мать, лежащую в луже крови. Рядом валялись осколки стекла, а из затылка продолжала сочиться кровь. Ее лицо, изборожденное морщинами от тяжелого труда, всегда озарялось доброй улыбкой, когда она смотрела на сына. Теперь же этот образ трудолюбивой и любящей матери сменился ужасающей сценой смерти.

Герой почувствовал, что мать еще дышит, и немедленно вызвал скорую, но было уже слишком поздно. Она скончалась у него на руках. В те первые десять с лишним лет жизни мать была для него всем, и в тот день его мир рухнул. Он помышлял о том, чтобы покончить со всем, но, вспомнив о мечтах матери, нашел в себе силы жить дальше. Если раньше он был молчаливым, то теперь стал угрюмым и замкнутым.

Аньнянь невольно вздохнул:

— Это действительно ужасно...

995-й согласно кивнул:

— Носитель переместился в момент, когда главному герою девятнадцать лет, так что всё еще можно исправить.

Сказав это, он передал еще одну порцию воспоминаний.

— Это ваша личность.

Гу Аньнянь, младший сын в семье Гу. Оригинальный владелец тела с детства был болезненным, и семья оберегала его, как фарфоровую куклу. Однако врожденный недуг был фатален — он должен был прожить лишь до двадцати одного года.

Аньнянь поднялся с больничной койки и подошел к зеркалу в уборной. Одно лишь отражение повергло его в шок. Кожа выглядела болезненно-бледной, губы лишены всякого цвета, а худощавое телосложение и утонченные черты лица действительно придавали ему вид хрупкой фарфоровой куклы. Мягкие контуры лица вызвали невольное сочувствие.

— Слишком уж худой... — Аньнянь машинально облизнул губы, пытаясь придать им хоть немного красок, но это почти не помогло.

Как только Аньнянь вымыл руки и вышел, система произнесла:

— Изначально оригинальный владелец должен был прожить до двадцати одного года, но по неизвестной причине произошел несчастный случай, и его жизнь оборвалась в восемнадцать лет. Он надеялся, что его уход не причинит семье слишком много боли, поэтому мы и заняли его место.

Аньнянь замер, собираясь спросить о случившемся, но 995-й перебил его:

— Носитель! Родители оригинального владельца уже у дверей палаты!

Не успел он закончить фразу, как дверь с щелчком отворилась. Прежде чем Аньнянь успел среагировать, его заключила в объятия женщина в роскошной одежде.

— Родной мой, хорошо, что ты в порядке! Ты нас до смерти напугал.

Аньнянь быстро поискал в памяти личность женщины и тут же вошел в роль.

— Мама, прости, что заставил тебя волноваться.

Аньнянь неловко обнял ее в ответ. Линь Цинвань выглядела безупречно — если не знать, что ей сорок шесть, можно было дать не больше тридцати.

— Всё этот пьяный водитель! Сел за руль в таком состоянии, чуть не лишил меня сына, — Линь Цинвань испуганно прижала руку к груди.

Стоявший рядом Гу Фэн добавил:

— Аньвань, главное, что с Аньнянем всё хорошо. Пусть он присядет, он ведь только пришел в себя.

— И правда, что же ты молчал? Не загораживай проход. Иди сюда, милый, садись, — Линь Цинвань укоризненно взглянула на Гу Фэна и помогла Аньняню сесть на кровать, принявшись расспрашивать о самочувствии. Гу Фэн лишь виновато улыбнулся и пошел искать лечащего врача.

Аньнянь отвечал на вопросы, чувствуя, что не совсем готов к такой материнской любви, но в то же время ощущая себя невероятно счастливым, пусть эта любовь и принадлежала не ему.

— Аньвань, я привел врача. Доктор Ван, прошу вас.

Гу Фэн вернулся с врачом, который выглядел несколько ошеломленным таким вниманием.

— Ох, господин Гу, не стоит таких церемоний.

Врач принялся осматривать Аньняня.

— Юный господин Гу, вы восстановились просто удивительно. Учитывая тяжесть аварии, то, что вы отделались лишь серьезными ссадинами без переломов костей — это лучший из возможных исходов. Еще вчера вы были без сознания, а сегодня уже проснулись, это настоящее чудо медицины!

Врач помолчал и добавил:

— Вас можно выписывать, но дома нужно соблюдать постельный режим еще несколько дней. Хотя раны затянулись и воспаления нет, нужно быть осторожнее и не переохлаждаться.

Линь Цинвань была вне себя от радости, но, услышав последнее предупреждение, молча достала из чемодана самую теплую куртку и натянула на Аньняня.

Аньнянь приподнял бровь: если память его не подводит, сейчас лето, почему это на нем ватник?..

После завершения всех процедур Аньняня выписали. По дороге Линь Цинвань без умолку болтала, а Гу Фэн лишь тихо улыбался, изредка вставляя свои замечания. За ужином его тарелка превратилась в настоящую гору еды.

...

Вернувшись в комнату, Аньнянь с облегчением растянулся на кровати.

— Это было непросто, ох, как непросто.

995-й, наконец придя в себя, потряс головой:

— Пожалуй, это и называется — любовь ослепляет.

— И всё-таки, почему я попал в аварию?

Да еще так сильно пострадал!

995-й виновато отвел взгляд, не смея встретиться с ним глазами.

— Оригинальный владелец действительно погиб в той аварии, но я совершил ошибку при первом перемещении, не рассчитав точно время и место. Мне пришлось потратить баллы, чтобы спасти вас... Простите, носитель...

Аньнянь вздохнул. 995-й оказался ненадежным — по крайней мере, мог бы устроить ему перелом, чтобы не возникло подозрений, если бы его решили отправить на медицинские исследования. Однако, глядя на 995-го, готового от стыда провалиться сквозь землю, Аньнянь лишь покачал головой.

— Ладно, в следующий раз будь осторожнее. Носитель не выдержит слишком много таких приключений.

995-й поспешно закивал.

Аньнянь оглядел комнату. Она совершенно не вязалась с образом парня — всё было в розовых тонах. Самым приметным был огромный плюшевый кролик, занимавший половину кровати.

— Похоже, семья действительно его очень любила.

Аньнянь посмотрел на свои руки — нежные, белые, немного худощавые из-за постоянных болезней, но очень красивые.

— Но финал этой семьи будет печальным, — неожиданно проронил 995-й. — Мать оригинального владельца из-за горя потеряла рассудок и проводила дни в безумии. Отец, страдая от потери сына и видя состояние жены, не смог справиться с двойным ударом, а позже был погублен конкурентами по бизнесу. Мать же ждал жалкий конец...

Человек и система замолчали. Неудивительно, что оригинальный владелец так хотел, чтобы Аньнянь продолжил его жизнь.

Проведя дома еще несколько дней, Аньнянь был окружен такой заботой, что даже немного поправился — его лицо приобрело здоровый вид, а руки стали приятнее на ощупь. Чтобы продвинуться в выполнении задания, после ужина он решился спросить:

— Мама, можно мне вернуться в школу?

Линь Цинвань отложила семечки и внимательно посмотрела на него:

— Почему ты хочешь в школу? Я не против, просто беспокоюсь о твоём здоровье.

Ее беспокойство было обоснованным: Гу Аньнянь с детства был слабее других детей. Однажды в школе сверстник в пылу ссоры толкнул его, и этого хватило, чтобы Аньнянь оказался в больнице. Лишь тогда Линь Цинвань осознала, что ее сын особенный. Она даже не думала о втором ребенке, боясь, что Аньнянь почувствует себя обделенным.

Аньнянь, зная об этом из воспоминаний, ответил:

— Мам, благодаря твоей заботе я окреп. Я хочу вернуться в школу, бегать под солнцем. К тому же, когда ты будешь встречаться с подругами, у тебя будет больше тем для разговоров о своих детях. Я знаю, что ты волнуешься, но я буду беречь себя.

После часа жарких споров Линь Цинвань наконец сдалась.

— Хорошо, я послушаю тебя. Но если кто-то обидит — сразу говори мне.

Гу Фэн, только что вернувшийся с работы, застал конец этого разговора и в недоумении посмотрел на них:

— Я что-то пропустил?

...

В этом мире все главные герои совершеннолетние, этап обучения — авторский вымысел.

Гу Аньняню 18 лет, Мо Наньяну — 19.

Период обучения с 18 до 20 лет занимает три года и соответствует университетскому уровню, а финальные экзамены приравниваются к реальной магистратуре.

Надеюсь на ваше понимание.

<http://bllate.org/book/21569/2221026>